

PRESERVING BUKHARA'S ISLAMIC HERITAGE AS A FACTOR IN CONTEMPORARY DEVELOPMENT: A CRITICAL ANALYSIS OF SOVIET HISTORIOGRAPHY (1950S–1980S)

Sukhrob Yusupovich Karimov

Lecturer at Asian International University

E-mail: suxrobkarimov97@gmail.com

Bukhara, Uzbekistan

ABOUT ARTICLE

Key words: Islamic civilization, Soviet historiography, Bukhara oasis, scientific atheism, official Islam, hidden hujras, ideology.

Received: 04.09.26

Accepted: 05.09.26

Published: 06.09.26

Abstract: The article analyzes the historiography of the Soviet state's policy towards religious life and Islamic institutions in the Bukhara oasis in 1950–1980. The role of Soviet scholars' research (ethnographic and atheistic directions), despite being written under ideological pressure, in studying the hidden religious life in Bukhara is examined. The role of the Bukhara oasis in preserving the heritage of Islamic civilization is highlighted as an object of Soviet historiography.

BUXORONING ISLOMIY MEROSINI SAQLASH ZAMONAVIY TARAQQIYOT OMILI SIFATIDA: SOVET TARIXSHUNOSLIGINING TANQIDIY TAHLILI (1950– 1980-YILLAR)

Suxrob Yusupovich Karimov

Osiyo Xalqaro Universiteti o'qituvchisi

E-mail: suxrobkarimov97@gmail.com

Buxoro, O'zbekiston

MAQOLA HAQIDA

Kalit so'zlar: islom sivilizatsiyasi, sovet tarixshunosligi, Buxoro vohasi, ilmiy ateizm, rasmiy islom, yashirin xujralar, mafkura.

Annotatsiya: Maqolada 1950–1980-yillarda Buxoro vohasidagi diniy hayot va islom institutlariga nisbatan sovet davlati siyosati tarixshunosligi tahlil qilinadi. Sovet olimlarining tadqiqotlari (etnografik va ateistik yo'nalishlar) mafkuraviy bosim ostida yozilganligiga qaramay, ularning Buxorodagi yashirin diniy hayotni o'rganishdagi o'rni ko'rib chiqilgan. Islom sivilizatsiyasi merosini saqlab qolishdagi Buxoro vohasining roli sovet

СОХРАНЕНИЕ ИСЛАМСКОГО НАСЛЕДИЯ БУХАРЫ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1950–1980-Е ГГ.)

Сухроб Юсупович Каримов

Преподаватель Азиатского международного университета

E-mail: suxrobkarimov97@gmail.com

Бухара, Узбекистан

О СТАТЬЕ

Ключевые слова: Исламская цивилизация, советская историография, Бухарский оазис, научный атеизм, официальный ислам, скрытые худжры, идеология.	Аннотация: В статье анализируется историография политики советского государства в отношении религиозной жизни и исламских институтов Бухарского оазиса в 1950–1980-е гг. Рассматривается роль исследований советских учёных, выполненных в рамках этнографического и атеистического направлений, в изучении скрытой религиозной жизни Бухары, несмотря на то, что они проводились в условиях идеологического давления. Особое внимание уделяется роли Бухарского оазиса в сохранении наследия исламской цивилизации как одного из объектов советской историографии.
---	--

Введение. В контексте современных глобализационных процессов, когда исламская цивилизация выстраивает новые форматы диалога с современным миром, принципиальное значение приобретает объективное переосмысление исторического прошлого. Одной из наиболее сложных страниц новейшей истории Центральной Азии является период 1950–1980-х годов, ознаменованный строгим государственным регулированием религиозной сферы в рамках советской политической системы. Бухарский оазис, исторически признанный центр исламской теологии и культуры, в этот период стал пространством сложного взаимодействия между государственной политикой в религиозной сфере и укоренившимися религиозными традициями общества. Осмысление механизмов сохранения исламского наследия в таких условиях невозможно без глубокого историографического анализа, в первую очередь - изучения роли советской исторической науки, которая выступала не только исследователем, но и активным инструментом формирования государственной политики.

На протяжении второй половины XX века отечественная историческая наука развивалась в условиях безальтернативного доминирования марксистско-ленинской методологии. Изучение ислама, деятельности Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ), а также функционирования бухарского медресе «Мир Араб» строго регламентировалось принципами «научного атеизма». Советские исследователи были лишены возможности объективно анализировать духовную значимость религии, поскольку их главная задача заключалась в обосновании тезиса об «исторической обреченности» религиозного мировоззрения в условиях развитого социализма.

В советской историографии сформировался специфический подход к оценке религиозной ситуации в Узбекистане. Официальный ислам, представленный САДУМ, рассматривался учеными сквозь призму его лояльности советской власти и полезности во внешнеполитических связях СССР с мусульманским Востоком. В то же время глубинные, латентные процессы, происходившие в махаллинской среде Бухары (включая деятельность подпольных хужр, неофициальных мулл и института отин-ой), трактовались исключительно в негативном ключе.

Важнейшей функцией советских ученых в 1960–1980-е годы стало идеологическое противостояние западной советологии. Как отмечает современный исследователь Х. И. Абдурасулова, в этот период появился целый ряд трудов, специально посвященных разоблачению так называемых «западных идеологов». Советские авторы, такие как К. Новоселов, В. Шафир и Д. Рзаев, работали в рамках идеологического заказа, предполагавшего критику зарубежных исследований.

Вместо объективного изучения реальной картины тайного религиозного образования и бытового ислама в Бухаре, эти исследователи тратили колоссальные усилия на доказательство несостоятельности теорий А. Беннигсена, Э. Оллворта и других западных аналитиков. Зарубежные концепции, указывавшие на наличие в советской Средней Азии феномена «параллельного» (или нелегального) ислама, в советской науке квалифицировались как «идеологическая диверсия». В результате этого противостояния реальный исследовательский потенциал как отечественной, так и зарубежной науки оказался заблокирован жесткими рамками цензуры.

Тем не менее, было бы ошибочным полностью отрицать научную ценность работ, созданных в советский период. Здесь кроется главный историографический парадокс: выполняя заказ по искоренению религиозных «пережитков», советские этнографы, историки и религиоведы (такие как О. А. Сухарева, В. Н. Басилов, Т. Саксонов и др.)

проводили масштабные полевые исследования, скрупулезно фиксируя детали скрытой духовной жизни региона .

Изучая сакральную географию Бухарского оазиса, местные мазары и суфийские практики, советские ученые маркировали их терминами «суеверия», «шарлатанство» и «отсталость». Однако фактологический материал, собранный ими в ходе экспедиций 1960–1980-х годов, сегодня представляет собой бесценную источниковую базу. Подробные описания ритуалов у святых мест (зажигание свечей, обряды у «каменной желаний», чтение поминальных молитв), фиксация женских религиозных собраний, возглавляемых отин-ой, и даже упоминания о существовании тайных домашних школ (мактабов и худжр) - все это сохранилось в монографиях и статьях эпохи атеизма.

Современные исследователи независимого Узбекистана (в частности, Ш. У. Бобожонов, изучавший антропологию бухарских зиёратгохов) активно используют эти данные, применяя метод деконструкции советского идеологического нарратива . Снимая слой атеистической пропаганды, современная наука обнаруживает в трудах советских ученых документальные свидетельства того, как исламская цивилизация в Бухаре адаптировалась к условиям государственных ограничений, уйдя в семейную, внутримахаллинскую среду и создав прочный механизм институционального дуализма.

Для всестороннего понимания институционального дуализма в Бухаре необходимо провести четкую границу между официальным идеологическим нарративом советской власти и реальной фактологической базой, собранной исследователями той эпохи. Партийно-государственный аппарат ставил перед историками, этнографами и религиоведами прагматичную задачу: изучить религиозные институты с целью разработки эффективных методов их искоренения. Следствием этого стало появление в 1960-1980-е годы огромного массива литературы по «научному атеизму».

Исследования таких авторов, как Л. И. Климович, Т. Саксонов, Ю. Петраш, В. Башилов, носили ярко выраженный антирелигиозный характер. В их трудах святые места, мазары и худжры Бухарского оазиса описывались исключительно негативными терминами: «очаги мракобесия», «прибежища тунеядцев» и «пережитки феодализма». Однако именно в этом кроется колоссальная научная ценность данных работ для современного историка. Стремясь дать критическую оценку религиозным практикам бухарцев, советские ученые скрупулезно, с этнографической точностью фиксировали масштаб и структуру подпольной религиозной сети.

Ярким примером служит изучение сакральной географии Бухары. Выдающийся советский этнограф О. А. Сухарева, исследуя позднефеодальный город и его население,

составила подробнейшую топографию бухарских кварталов (махаллей) и расположенных в них мазаров. Несмотря на то, что методология ее работы была скована рамками советской исторической школы, собранный ею эмпирический материал сегодня позволяет реконструировать ту самую «невидимую» сеть святынь, которая стала альтернативой закрытым официальным мечетям. О. А. Сухарева и другие исследователи невольно задокументировали непрерывность функционирования скрытых мест поклонения (таких как захоронения Сабри Вали, Маллапуша, Хасана Намадпуша), сохранившихся непосредственно внутри частных домовладений старого города.

Особое место в советской историографии занимал вопрос женской религиозности. В трудах эпохи (например, в известной работе Л. Климовича «Ислам и женщины») выдвигался тезис, согласно которому ислам рассматривался как главный фактор угнетения женщины на Востоке. В рамках антирелигиозных кампаний 1950–1970-х годов советские социологи и пропагандисты пристально изучали религиозное поведение женщин, чтобы выработать методы их «освобождения» и интеграции в социалистическое строительство.

Однако, анализируя эти тексты сегодня методами критической деконструкции, мы получаем свидетельства значимой роли бухарских женщин в сохранении наследия исламской цивилизации. Советские отчеты и статьи, бичующие «несознательность» жительниц махаллей, фактически подтверждают активное функционирование института отин-ой. Именно эти образованные женщины-наставницы, находясь вне досягаемости официальных государственных структур контроля (в закрытом, семейном пространстве), взяли на себя функцию неофициального религиозного обучения. В условиях, когда легальное образование было сведено к минимуму и жестко контролировалось властью через САДУМ, отин-ой организовывали подпольные мактабы и худжры для девочек, обучали их основам арабской письменности, чтению Корана и правилам совершения обрядов.

Советская наука зафиксировала парадоксальную для нее, но закономерную для исламской традиции ситуацию: государственная политика вытеснила религиозную практику из публичной, мужской сферы (официальные мечети) в приватную, женскую сферу (махалля и семья). Таким образом, труды советских религиоведов позволяют утверждать, что основа традиционных ценностей в Бухаре сохранилась: она адаптировалась и функционировала на латентном уровне.

Подводя итог анализу историографии государственно-конфессиональных отношений в Бухарском оазисе (1950–1980-е гг.), необходимо подчеркнуть следующее:

1. Англо-американская советология предоставила современным исследователям важнейший концептуальный аппарат - теорию «параллельного» ислама и «институционального дуализма», позволившую отделить официальную политику от реальной жизни верующих .

2. Советская историческая и этнографическая наука, вопреки своей идеологической методологии, накопила гигантский пласт документального и полевого материала. Деконструкция этого атеистического нарратива позволяет современным историкам Узбекистана использовать его как доказательную базу функционирования тайных худжр, института отин-ой и махаллинских святынь.

3. Современные отечественные исследования, синтезируя западные концепции и переосмысленный советский фактологический архив, показывают, что Бухарский оазис представляет собой показательный исторический пример сохранения духовного, образовательного и ритуального наследия в условиях государственной атеистической политики.

Понимание этого сложного исторического опыта сохранения духовной традиции и национальной идентичности является неотъемлемой частью современного межкультурного диалога и значимым элементом дальнейшего развития современного общества.

Список использованной литературы:

1. Абдурасулова Х. И. Ислам и религиозная политика в Узбекистане в 1940–1980-е годы: анализ англо-американской историографии: Дисс. ... канд. ист. наук. – Ташкент, 2011.
2. Бабажанов Б. Мир-и Араб // Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX, XX–XXI вв.): проблемы генезиса и трансформации. – Алматы, 1995. – С. 88–102.
3. Басилов В. Н. Культ святых в исламе. – Москва: Мысль, 1970. – 144 с.
4. Бобожонов Ш. У. Бухоро воҳасида зиёрат сайёҳлигининг ривожланиш хусусиятлари (антропологик тадқиқот): Тарих фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD) диссертацияси автореферати. – Тошкент, 2023. – 56 б.
5. Брегель Ю. Заметки о западной историографии Центральной Азии // Восток. – 1994. – № 5.
6. Климович Л. И. Ислом дини ва аёллар. – Тошкент, 1957. – 48 б.
7. Ражабова Д. Бухоро шахридаги «Мир Араб» мадрасаси тарихи (1946–1991 йй.). – Бухоро, 2018.

8. Сухарева О. А. Бухара XIX — начало XX в. (Позднефеодальный город и его население). – Москва: Наука, 1966.
9. Ro'i Y. Islam in the Soviet Union: From the Second World War to Gorbachev. – London: Hurst & Company, 2000.